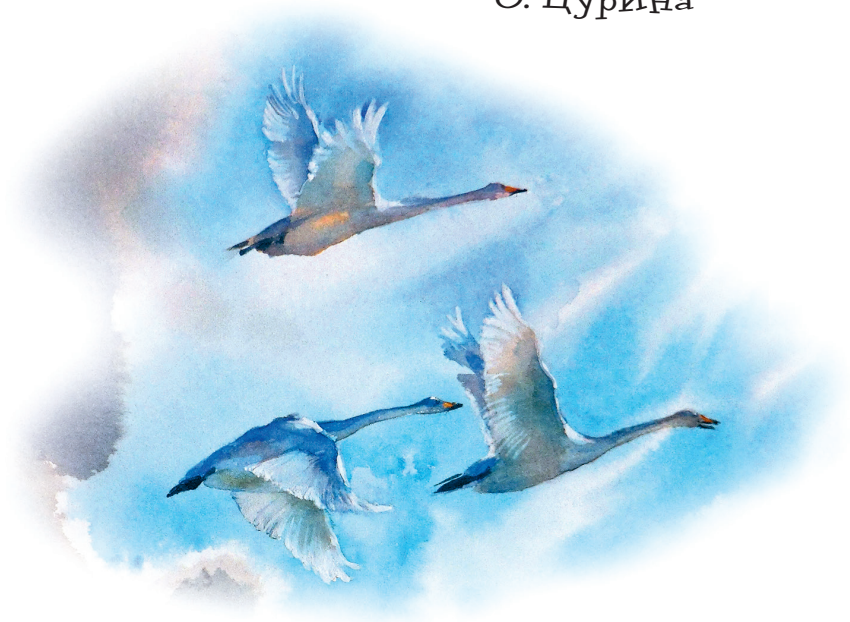

Библиотека
начальной школы

Ю. КОВАЛЬ

Жеребёнок

Художник
О. Цурина

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб
2025

СОРОКИ

С улицы послышался крик, треск и хохот.

Я подбежал к окну и увидел, что около дома катается по земле клубок, из которого торчат хвосты и перья. Дрались две сороки. Лупили друг друга крыльями, царапались и кричали. А третья сидела на крыше сарая и наблюдала.

— Вы что! — крикнул я в форточку. — Взбе-
сились?!

Напугавшись, одна сорока сразу улетела на крышу сарая, а другая осталась лежать на земле.

Я вышел на улицу поглядеть — жива ли?

Приподнявшись, она недовольно зашипела — тебя, дескать, тут не хватало. Волоча крылья, кое-как проковыляла она по земле, с трудом поднялась в воздух и тоже села на крышу сарая.

Те две другие сразу закричали, застрекотали:
— Проваливай! Проваливай!

Побитая сорока пыталась объяснить, но её и слушать не хотели — гнали прочь.

Тут я понял, что это два сорочьих жениха дрались из-за невесты и победитель прогонял теперь побеждённого.

Чуть не плача, полетел неудачный жених к лесу, и низко летел над землёй, вот-вот собираясь опуститься.

Но над лесом сорочун повыше поднялся в небо, веселей замахал крыльями. Оглянувшись в последний раз, он застрекотал и полетел теперь совсем уж свободно и как будто даже радовался, что так получилось.

КАПИТАН КЛЮКВИН

На Птичьем рынке за три рубля купил я себе клеста.

Это был клёст-сосновик, с перьями кирпичного и клюквенного цвета, с клювом, скрещённым, как два кривых костяных ножа.

Лапы у него были белые — значит, сидел он в клетке давно. Таких птиц называют «сиделый».

— Сиделый, сиделый, — уверял меня продавец. — С весны сидит.

А сейчас была уже холодная осень. Над Птичьим рынком стелился морозный пар и пахло керосином. Это продавцы тропических рыбок обогревали аквариумы и банки керосиновыми лампами.

Дома я поставил клетку на окно, чтоб клёст мог поглядеть на улицу, на мокрые крыши сокольнических домов и серые стены мельничного комбината имени Цюрупы.

Клёст сидел на своей жёрдочке торжественно и гордо, как командир на коне.

Я бросил в клетку семечко подсолнуха.

Командир соскочил с жёрдочки, взмахнул клювом — семечко разлетелось на две половинки. А командир снова взлетел на своего деревянного коня, пришпорил и замер, глядя вдаль.

Какой удивительный у него клюв — крестообразный. Верхняя часть клюва загнута вниз, а нижняя — вверх. Получается что-то вроде буквы «Х». Этой буквой «Х» клёст лихо хватает подсолнух — трах! — шелуха в стороны.

Надо было придумать клесту имя. Мне хотелось, чтоб в имени был отмечен и его командирский нрав, и крепкий клюв, и красный цвет оперения.

Нашлось только одно слово, в котором есть и клюв, и красный цвет, — клюква.

Подходящее слово. Жаль только, нет в клюкве ничего командирского. Я долго прикидывал так и эдак и назвал клеста — Капитан Клюквин.

Всю ночь за окном слышен был дождь и ветер.

Капитан Клюквин спал беспокойно, встряхивался, будто сбрасывал с перьев капли дождя.

Его настроение передалось мне, и я тоже спал неважно, но проснулся всё же пораньше, чтобы послушать утреннюю песню Капитана.

Рассвело. Солнечное пятно еле наметилось в пасмурных облаках, низко бегущих над крышей мелькомбината.

«Цик...» — услышал я.

Потом ещё:

«Цик, цик...»

«Убогая песня, — думал я. — „Цик“, и всё. Маловато».

Почистив перья, Капитан Клюквин снова начал цикать. Вначале медленно и тихо, но после разогнулся и кончил увесисто и сочно: «Цок!»

Новое колено в песне меня порадовало, но Капитан замолчал. Видно, он переживал, выдерживал паузу, прислушивался к песне, которая, так сказать, зрела у него в груди.

Впрочем, и настоящие певцы-солисты не сразу начинают кричать со сцены. Настоящий солист-вокалист постоит немного, помолчит, прислушается к песне, которая зреет в груди, и только потом уж грянет: «Люблю я макароны!..»

Капитан помолчал, поглядел задумчиво в окно и запел.

Песня началась глухо, незаметно. Послышался тихий и печальный звук, что-то вроде «тиу-у-у-у-лиу-у-у». Звук этот сменился задорным посвистом. А после зазвенели колокольчики, словно от жаворонка, трели и рулады, как у певчего дрозда.

Капитан Клюквин был, оказывается, настоящий певец, со своей собственной песней.

Всё утро слушал я песню клеста, а потом покормил его подсолнухами, давлеными кедровыми орехами и коноплём.

Пасмурная осень тянулась долго. Солнечных дней выпадало немного, и в комнате было тускло. Только огненный Капитан Клюквин веселил глаз.

Красный цвет горел на его перьях. А некоторые были оторочены оранжевым, напоминали осенние листья. На спине цвет перьев вдруг становился зелёный, лесной, моховой.

И характер у Капитана был весёлый. Целый день прыгал он по клетке, расшатывал клювом железные прутья или выламывал дверцу. Но больше всего он любил долбить еловые шишки.

Зажав в когтях шишку, он вонзал клюв под каждую чешуйку и доставал оттуда смоляное